

23
А. И. Гадкобородова

37833

СКАЗЫ И ПЕЅНИ

Анна Ивановна Гладкобородова

ГЛАДКОБОРОВОДА

АЗЫ И ПЕСНИ

Под редакцией

проф. С. А. БУГОСЛАВСКОГО

и А. Я. КОЛОТИЛОВОЙ

В записи
А. Я. КОЛОТИЛОВОЙ

ОГИЗ
ЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

*Обложка, титул и заставки
художницы Г. Маковской.*

ТВОРЧЕСТВО ПИНЕЖСКОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ А. И. ГЛАДКОБОРОВОЙ

Народное творчество периода великой Отечественной войны выражает мощный патриотический подъем и морально-политическое единство всего советского народа. Как и встарь, оно говорит о самых сокровенных, самых заветных думах, чувствах и воле народа. Фольклор фронта и тыла — это творчество общенародное, это единый всенародный порыв. Горячая любовь к родине, священная ненависть к захватчикам и непреклонная воля к победе и освобождению не только родной земли, но и всего человечества от ига фашизма — таково основное содержание народного творчества периода великой освободительной борьбы.

Свойственные русскому фольклору черты оптимизма, высокой человечности, стремления к свободе и полноте развития народных сил, любовь к своему историческому прошлому, к полководцам, героям — защитникам родины, ненависть к угнетателям, поработителям — все это ярко выражено в советском фольклоре великой Отечественной войны.

Северные русские сказители внесли большой вклад в общесоюзное творчество военного периода. Они прочно связаны с классическими традициями богатейшего северного фольклора, с героико-эпическими военными былинами, унаследованными северными мастерами от далеких предков Киевской Руси XI—XIII вв. Они связаны также и с историческими военными солдатскими песнями прошлого, с творчеством народных сатириков-скоморохов, со светлой, задушевной песенной лирикой народа. Северные сказители не только верные хранители ценнейшего творческого достояния народов, они живут интенсивной общественной, политической жизнью вместе со всем советским народом; они читают газеты, журналы, слушают радио. Естественно, что северные сказители должны включиться в бурный поток советского литературного движения, усвоить тематику, поэтику, стиль совет-

ской поэзии. И действительно, в северно-русских сказах и песнях органически сочетаются творчески переплавленные элементы классического фольклора с современной, преимущественно песенной, советской поэзией.

Пинежская сказительница Анна Ивановна Гладкобородова принадлежит к числу лучших, талантливейших народных поэтов Севера, ее творчество в основном коренится в глубинах северного фольклора, но в нем немало и современной песенной поэзии. Творчество А. И. Гладкобородовой проникнуто пафосом борьбы; оно глубоко патриотично. Вместе со всем советским народом А. И. Гладкобородова с волнением следит за событиями войны. В ее сказах слышится радость и гордость советского человека, переживающего грандиозные победы Красной Армии. О героях войны Гладкобородова говорит, как о любимых детях и братьях. Большой теплотой и глубоким почитанием овеяно в сказах Гладкобородовой имя Маршала Сталина, полководца, друга, отца народа. Это центральный образ поэзии северной сказительницы. Негодованием, гневом, нередко острой издёвкой проникнуты строки сказов, обращенные к врагу-захватчику.

О жизни А. И. Гладкобородовой мы знаем из автобиографии, написанной ею в 1940 году

Приводим полностью ее текст, дополняя его в примечаниях рассказом пинежской сказительницы А. Е. Суховерховой, знавшей А. И. Гладкобородову с двадцатилетнего возраста, когда та впервые пришла в родную деревню Суховерховой Шотова гора (ныне Карпогорского района).

„Я родилась в 1893 г. 20 ноября в небольшой деревушке Конецгорье*, в простой семье крестьянской**. По роду я была самая старшая, жили мы, кой-как перебивались, то в кассе брали, то люди помогали. От роду я была как наказана судьбой, и пришлось всю жизнь прожить с физическим недостатком глаз. Сельскую школу я окончила в три года. После окончания школы меня отдали учиться мастерству портняжить, чтобы кроха хлеба осталась, — так говорили родители. Шить училась у старичка и с ним ходила четырнадцать недель***. Потом стала

* Ныне Пинежского района, Высокогорского сельсовета.

** Отец — рыбовод, „ревкой старик“ (то есть певучий), по выражению А. Е. Суховерховой; мать Анны Ивановны была чрезвычайно гостеприимной. „У них никогда ворота не закрывались, самовар не остывал.“ (Суховерхова).

*** В возрасте тринадцати-четырнадцати лет — по районам Пинеги и Мезени. Когда приходила портниха, в избе зажигали пятилинейную керосиновую лампу.

одна самостоятельно работать, у меня машины не было, и я ходила по деревням и на Мезень из деревни в деревню. Машины купить не было денег, потом купила в рассрочку. Первые мои заработанные деньги пошли на покупку муки, и родители были очень рады, что я им оказала помощь.

„Сестер и братьев нас было семь человек, и мне пришлось родителям помогать, поднимать семью. Зимами я шила по чужой стороне, а на сев и на страду приходила домой помогать родителям. В людях я жила — старалась жить пожиже ключевой воды да пониже муравой травы. Работала, старалась, себя не жалела: днем-то шьешь, а вечерами полы моешь. Себя я вела смирно и честно, за это меня любили, что я была безответной. Когда я бывала зимами и осенью дома, то ходила со своим папашей, или, как у нас звали, „татой“ охотиться в глухие леса за семьдесят—восемьдесят верст. Там мы и рыбу ловили, и зверя били, и ягоды брали. Наши старики были вековые охотники. Потом работали в лесах на подрядах у богачей: лес рубили и веснами гнали по рекам на сплав. „Век прожить

На свет сходились девушки, и начиналась вечеринка с песнями, пела с девушками старинные песни и Анна Иваловна.

ведь не поле перейти“. Всяко приходилось. Сладко-то проглонишь, а горько выплонишь да опять живешь.

„Бабушка и дед мой были староверы. Дед был грамотный, всё читал книги и рассказывал сказы и песни. Они были набожны и вечерами пели духовные стихи, а мы, сидя малыми тут же у лучины (ламп раньше в деревнях не было, жгли на светильне лучину), — подтягивали старикам. Дед уж в то время был слепой и вязал рыболовные сети. Моя мама и тата были неграмотны; они до сих пор живут в колхозе, хотя работать и не могут, и мне приходится их кормить*.

„В 1930 году я уехала в Архангельск и поступила в прислуги, но жить стало тяжело, и я перешла в мастерскую на работу, где и работаю до сих пор. Здоровье мое стало слабое, и мне работать особенно тяжело, у меня слабое зрение, но работать мне необходимо: мне никто не помогает. В 1936 году меня, как хорошую песенницу, позвали в хор северной песни

* В 1910 году Анна Ивановна служила у богатых крестьян-торговцев в деревнях Карпогорского района прислужкой и нянькой. Замужем Гладкобурдова не была.

под управлением Колотиловой, где была и Марфа Семеновна Крюкова*.

„Крюкова сказывала Антонине Яковлевне сказы, и я тогда припомнила, что я тоже много раньше слыхивала сказов, когда шила и ходила по Поморью и Пинежью. Мне понравились сказы Крюковой, и хотя я себя считала ничем, но все же как-то однажды взяла и написала о том, „Как папанинцы жили на льдине и вернулись домой“ — это первое сочинение А. Я. Колотилова одобрила, и потом наша группа** сложила мотив на эти слова, и мы назвали песню так: „Как по морюшку по Гренландскому“. Песня эта в 1939 году, когда хор ездил на Выставку, была записана на граммофонную пластинку. После этого я стала складывать другие песни и сказы, или, как я зову, новины. В 1939 году мы ездили на фестиваль в колхозы, и мне удалось побывать в Сольвычегодске, в домике товарища Сталина. Свои думы и что я видела, я записала

* М. С. Крюкова, приезжая в Архангельск, останавливалась у А. Я. Колотиловой; с нею Крюкова впервые ездила в Москву.

** Имеется в виду творческая группа Северного русского народного хора Архангельской филармонии из состава пинежских песенниц-мастериц старшего поколения.

в рассказе „Величальные песни поет наш народ“. Писала я о седовцах, о товарище Ворошилове, о том, как был бой в нашей деревне; этот бой я видела сама и пережила все ужасы и издевательства белых во время прихода их к нам в Пинежье, во время войны в 1918 году.

„Мои сказы записали на тонфильм, и я часто выступала на сцене, когда работала в хоре. Я рассказывала еще рассказы из старой крестьянской жизни; публика смеется, когда я рассказываю „Как теща у зятя в гостях была“. Я знаю много старых народных песен, шуток, поговорок, пословиц и побывальщин. Знаю причеты свадебные, похоронные и духовные стихи.

„Раньше, в старое время, я сказов никому не пела, и только теперь я всей душой любила это дело. Я одинокая, незамужняя, и писать сказы — моя отрада. Этот год я тяжело болела, только теперь начала снова работать с А. Я. Колотиловой.

„Я начала работу по песням и сказам с 1936 года. Не посудите на мое писание и рассказывание. Всего о моей жизни не выскажешь и пером не выпишешь; много горя было в жизни пережито, и море слез было пролито.

Только теперь моя молодость приходит и только теперь моя голова и ум расцветают.

Спасибо дорогим вождям и мудрым людям! Вожди великие вывели на верный путь, а люди мудрые слушали наши сказы и песни“.

Из автобиографии А. И. Гладкобородовой видно, что она тесно связана с северным народным творчеством — чрез деда, отца („ревкой старик“). Сама сказительница указывает на то, что она хорошо знает старое народное творчество Пинежья. А. И. Гладкобородова происходит из крестьян, потомков скоморохов. Вблизи ее родного села находится деревня Скоморохово. Черты юмора и острота словесного выражения, любовь к пословицам и поговоркам в сказах и песнях — всё это черты скоморошьего стиля, известного нам по записям „Вавилы“ от М. Д. Кривополеновой. Жизнь „в людях“, хождение по дворам обогащало творческий опыт Гладкобородовой.

Побуждением к творчеству явилась, согласно автобиографии, встреча А. И. Гладкобородовой с М. С. Крюковой. Однако непосредственного влияния новин или старин (былин) Крюковой даже на первые сказы А. И. Гладкобородовой нельзя обнаружить. В своей автобиографии Гладкобородова сообщает, что слушая, — как она говорит, — „сказы“ М. С. Крюковой, она вспомнила, что „тоже много раньше слыхивала сказов“. Назвать песни сказами Гладкобородова,

конечно, не могла. Можно полагать, что речь идет здесь о былинах, которые в дни ее юности и молодости сказывались на Пинеге.

Уже первые сочинения Гладкобородовой не являются ученическими опытами. Такова ее песня „Как по морюшку да по Гренландскому“ и большой вдохновенный сказ о Сталинском домике в Сольвычегодске („Величальные песни поёт наш народ“), напечатанный в „Правде“ (25 декабря 1939 года), также сказы „О мудром поморе, северянине Ломоносове“ и „Как Бадигин-то по кораблю похаживает“ (сложены оба в 1940 году). Все эти произведения написаны уверенной рукой мастера народного эпического повествования, сочным и ярким языком, хорошо усвоенным эпическим стихотворным размером, с тремя ударениями в строке и неравномерным чередованием безударных слогов между ними.

Сказы Гладкобородовой, как и аналогичные новины М. С. Крюковой, отличаются от прозаических сказов, то есть рассказов очевидцев эпохи войны: это — законченные по форме, языку, ритму стихотворные поэтические произведения, написанные в народном стиле и размере. Они возникли на почве северного эпоса и лирической песни. Гладкобородова не повторяла предшественников. Она сразу нашла свои индивиду-

альные поэтические средства. Уже в ранних сказках ее обнаруживается личная творческая манера: лаконичность, лиризм.

Творчество А. И. Гладкобородовой развивалось в период ее работы в Северном народном хоре. Здесь она нашла и поддержку и творческую помощь со стороны художественного руководителя хора А. Я. Колотиловой. Концерты хора сблизили ее с массами, неизменно тепло принимавшими ее выступления на сцене.

В своих сказках и песнях А. И. Гладкобородова чутко отзывается на темы, волновавшие в разное время советскую общественность. Таковы ее сказки: „Про выборы прежние и советские“ (1939), „У нас крепкая семья Сталинская“ (о включении в семью советских республик Латвии, Литвы, Эстонии и Буковины, 1940). Сказки эти отступают от повествовательной манеры первых сказов Гладкобородовой.

Высшего расцвета поэтический талант Гладкобородовой достигает в период великой Отечественной войны. Голос маленькой пожилой женщины крепнет. В ее военных сказках и песнях звучит неподдельный гражданский пафос советского патриота. Сказки ее иногда звучат, как призывные речи, перекликаясь с древними грамотами начала XVII века, в которых русский народ

призывал стоять за отечество все русские города. Бичующая сатира, направленная на врага-захватчика, продолжает и заостряет старинную поэзию скоморохов — прадедов Гладкобородовой (см. песню „Истрепал Гитлер смазные сапоги“).

Сказы ее становятся современем все короче, лаконичнее, но все более идейно насыщенными и подъемными.

В сказах и песнях периода войны мы найдем все, что волновало каждого из нас. В них слышится тревога за судьбу русских городов — Ленинграда, Москвы, Калинин. Ряд сказов посвящен северным и балтийским морякам. В лирическом сказе, „Девичья“, близком к песне, тепло обрисован образ девушки-патриотки, обрученной с воином, уехавшим на фронт. Она зовет любимого отомстить врагу. Сказ „Ехал по полю всадник“ затрагивает тему о советских женщинах, угнанных в фашистскую неволю.

В ряде сказов А. И. Гладкобородова обращается к северным колхозницам, призывая их помочь своим трудом фронту.

С большим подъемом написан сказ „Слово Сталина нерушимое“. Это горячий ответ советской патриотки, ее торжественная клятва любимому вождю и полководцу, к которому неизменно обращается ее мысль и чувство сказительницы.

Большой сказ написан Гладкобородовой о В. И. Ленине; в дни Отечественной войны он дополнен. Имя Ленина связано с темой великой борьбы за независимость родной земли.

Творчество А. И. Гладкобородовой, как и фольклор всего русского народа, проникнуто большим оптимизмом. Большинство ее сказов заканчивается уверенностью в победе над врагами и в новом расцвете родины. Приведем несколько концовок.

Зацветет страна цветами алыми,
Богаче прежнего заживет колхоз.

(Письмо родным колхозницам)

И опять страна наша встанет,
Зарастет, зацветет лучше прежнего.

(О Ленине)

Тяжелый недуг оборвал жизнь талантливого северного художника слова в пору расцвета ее творческих сил. Анна Ивановна Гладкобородова умерла 20 мая 1943 года.

Анна Ивановна, зная о неизлечимости своей болезни, и на смертном одре находит в себе духовные силы, чтобы с радостным волнением откликнуться на победоносное наступление Красной Армии. За несколько дней до смерти, в мае 1943 года, она пишет ряд небольших ска-

зов, в которых все так же светло и подъемно звучит радость и гордость советского патриота, с волнением следящего за грандиозными победами Красной Армии в этот период:

Да крепка, сильна Красная Армия,
Все идет вперед, продвигается.

(О северном колхозе),

Сказы и песни А. И. Гладкобородовой насыщены образами и стилистическими оборотами былин, но традиционные элементы русского эпоса и лирики приобретают у нее новый смысл. Величавый язык и старые поэтические формулы звучат по-новому сильно, свежо и эмоционально.

Родина в творчестве Гладкобородовой — это основная тема, раскрытая как средствами ее родной северной народной поэзии, так и языком и образами советской песенной лирики*.

Сказ „У нас крепкая семья Сталинская“ начинается таким обращением:

Сторона ли наша, сторонушка,
Все республика да наша родимая,

* Анализ поэтики сказов и песен А. И. Гладкобородовой посвящена первая глава работы пишущего эти строки „Северно-русские сказы и песни“ в подготовленном к печати Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР сборнике „Фольклор великой Отечественной войны“ 1944 г.

Широка ты у нас, любимая,
Уж ты дивная да очень чудная,
Со полями ты с плодородными,
Со лесами да с драгоценными,
Со горами да со высокими,
Со водами, морями богатыми.

Мы наблюдаем в этом отрывке сочетание
стиля народных песен (первый стих), советских
песен („Широка страна моя родная“), отголоски
стиля М. С. Крюковой (излюбленное в ее „Но-
винах“ выражение „очень дивные да очень чуд-
ные“, или у нее же: „широка-велика страна наша
колхозная“).

А. И. Гладкобородова любит красота
панорамы родной страны, рассматриваемой как
бы с птичьего полета:

Поднимались волны пташки быстролётные,
Над родной страной они кружились,
Неоглядной красотой любовались.
Там стоят-шумят леса могучие,
Приодеты леса в темны бархаты,
Как в узорчатые да в игольчатые.
Стрункой тянутся широки пути
Да железные дороги прямоезжие.
Так росла да крепла молода страна.

Родина в сказах и песнях у Гладкобородо-
вой то „яблоня спелая“, то „калинушка в поле
зрелая“, то молодая рощица, то „орешенье—
вишеньё“ „на горе на высокой“. К этой горе

„подкрался вор ночной, супостат, грабитель, вешатель“. „Он задумал эту гору скрыть да орешенье огнем спалить“.

Автор сказа с подъемом восклицает:

Уж ты, Русь, страна Советская!
Ты ль мечом не встретишь врага,
У тебя ль нет богатырских сил,
Войска храброго да добрых коней?

А. И. Гладкобородова с большой любовью всматривается в свой родной северный пейзаж и поэтически ярко его живописует. Она, как и М. С. Крюкова, любит свое „морюшко Белое“. Ей дорог весенний расцвет родной природы, связанный с интенсивной земледельческой работой на оборону страны. Северный пейзаж занимает видное место в сказах Гладкобородовой.

Глубоко патристическое, творчество А. И. Гладкобородовой созрело в дни великих боев за родину.

Будущие поколения прочтут в сказах и песнях северной сказительницы мысли и переживания всего народа в дни тяжелых испытаний, беспримерного героизма и небывалых побед.

Проф. Сергей Бугославский.

Москва—Архангельск.

Июнь 1944 г.

ПРИЕЗД ПАПАНИНЦЕВ*

По морю, морю синему, по студеному,
по Гренландскому
Ай, диво-ладо...

Тут и плыл выплывал не червлен корабль,
А плыла выплывала крепка льдиночка,
Ай, диво-ладо...

Тут стоял шатер белполотняный,
Над шатром развивалось знамя Сталина
Ай, диво-ладо...

На этой на льдиночке четверка людей,
Четверка людей, славных папанинцев.
Ай, диво-ладо...

Папанинцы по льдиночке похаживают,
Синее-то морюшко промеривают.
Ай, диво-ладо...

* Как по морюшко по Гренландскому.

Частые-то звездочки просчитывают,
Во ученые-то книги записывают.

Ай, диво-ладо...

Со холодного полюса плыли домой,
Плыли домой со победой большой.

Ай, диво-ладо...

Вот и дунули тут ветры буйные,
Сколыбнули ту льдиночку тяжелую.

Ай, диво-ладо...

Стала льдиночка крушиться,
С четырех сторон ломатися.

Ай, диво-ладо...

Загрозила им смерть неизбежная
Каждый час, каждый день, каждую минуточку.

Ай, диво-ладо...

Только храбрые герои папанинцы,
Еще славные советские богатыри

Ай, диво-ладо...

Бодро с мужеством терпели все
За честь за славу своей родины.

Ай, диво-ладо...

Полетели тут вести тревожные
По тому ли по радио скорому.

Ай, диво-ладо...

Как во славу столицу белокаменную,
Ко Великому вождю да ко Сталину,

Ай, диво-ладо...

Собирал поскорешенько мудрый Сталин-вождь
Своих верных моряков, храбрых летчиков.

Ай, диво-ладо...

Полетайте, поезжайте во сине море,
Вы встречайте, спасайте героев дорогих.

Ай, диво-ладо...

Самолеты полетели, ледоколы в путь пошли,
Льды тяжелые пробили и папанинцев нашли.

Ай, диво-ладо...

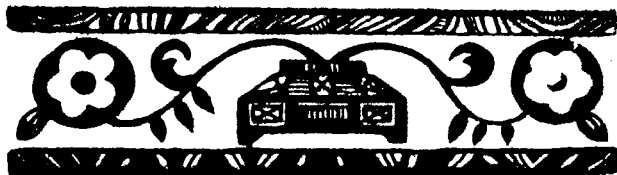
Их со льдиночки снимали на свои на корабли
И с великой большой славой в Ленин-город
привезли.

Ай, диво-ладо...

Повстречал их родный Сталин, к себе в гости
пригласил,

И полярников-героев он богато наградил.

Ай, диво-ладо...

ПРО ВЫБОРЫ ПРЕЖНИЕ И СОВЕТСКИЕ

Ты талань наша, таланистая,
На роду ты была, талань, написана,
Жеребьем ли ты в жизни выпала
Все со молодости и до старости.
А как во старое время, прежнее,
В темноте мы жили, во невежестве,
Все под гнетом, под тяжелым.
При царях было, при немилостивых
Да при слугах их, при нежалостливых,
Горька жизнь была да крестьянская.
Служба в войске была долголетняя:
Двадцать пять годов еще и больше того.
Много горя люди пережили,
Своей молодости-жизни не видели,
И законы тогда были страшные,

Наказания были тяжелые.
Как бывало в те ли прежни времена,
Да во общество ли во крестьянское,
На мирские на сходки сельские
Приезжали чины все правленские,
Богачи-те деревенские,
Как сажали к себе во помощники,
Во старшины да и во старосты
Во десятские, сотские, в сборщики
Все из тех богатеев-мужиков,
Из крикливых да все подкулачников,
Чтоб покрепче прижимали бедняков,
Подать брали бы без жалости,
Разоряли бы без милости,
Последнюю корову за рога б увели
У бедняги-горемыки мужика.
Как вдовам было и старым старикам,
Им на сходке-то места не было,
Все толпились под полатями в углу
И сидели под порогом на полу.
Им несладко приходилося,
Говорить им запрещалось.
Не была им честь-почтеньице;
Со нуждою век боролися.
Так не мало время длилось,
Все теперь переменялось.
Черны дни да миновалися,

Горе с радостью встречалось,
Дни за днем стрелой катилися,
Год за годиком минулися.
Все живем теперь, красуемся,
Как при власти при Советской
Радость солнышком сияет нам,
Тепло нас греет Конституция.
Наступает долгожданный час,
Как декабрь двадцать четвертый день —
Славны выборы Советов на местах!
Мы давно к нему готовились,
Изучали, как нам надо выбирать,
За кого нам голоса свои подать.
Все придут сюда желанные
Все граждане равноправные:
Молодежь, мужчины, женщины,
Старики, а кто не сможет сам сходить,
По желанию машину и лошадь подадут.
Как по утру, утру раннему,
По восходу солнца красного,
Декабря двадцать четвертого,
Во нарядах лучших, праздничных,
Со веселой песней звонкою,
Пойдут к участкам избирательным,
Зайдут в комнаты во светлые,
За столы сядут дубовые,
И на списках избирательных,

Проголосуют кандидата своего,
Людей честных и трудящихся,
Чтобы Родине служили хорошо,
Помогли бы славной партии большевиков,
Дорогому вождю Сталину.
Чтобы краше жизнь народная текла,
Чтоб страна наша Советская цвела
Всем другим странам да в поучение,
А врагам на устрашение.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ ПОЕТ НАШ НАРОД*

На краю-то лесов дремучих,
Среди-то рек текучих,
И где дули ветры буйные,
На далеком крайнем Севере,
На крутом берегу реки Вычегды,
А что несет свои воды в море Белое,
Невелико селение раскинулось,
А как по нынешнему звать —
Славный город Сольвычегодск.
На краю-то его улицы широкой
Не шатер стоит белполотняный —
Стоит маленькая красная горница...

* Напечатано в „Правде“ от 25 декабря 1939 г. № 355,
с указанием: „Сказ записан со слов сказительницы
Пинеги А. И. Гладкобородовой“.

Кругом ее цветут цветы алые,
Людской любовью она окреплена,
Светлой радостью веселой огорожена.
Как на том ли славном домике
Дорогая висит да приметочка,
Небольшая красная полосочка,
Золотыми буквами на ней написано:
„В этом доме жил великий вождь,
Дорогой отец, славный Сталин-свет“.
Не в гостях он гостил во веселых,
Он во ссылке здесь жил во крепкой,
Как в тяжелом был одиночестве.
Не своей он зашел сюда охотою,
Завели его злые недруги,
Как насильники, слуги царские.
Как во том ли доме славном-то
Все, как было при нем, сохранилося,
Для людей память осталася.
В этот домик, дорогой для всех,
Заходят все от старого до малого.
В той ли комнате во маленькой
Обстановка стоит небогатая,
А кровать-то убрана не роскошно.
Дымовая печка середь комнаты.
На окошечке цветут цветики—
Это мудрые думы его красуются,
В цвет лазоревый распускаются.

Под окном сидел он тут, под кошевчатым,
У околенки да у стекольчатой,
Он смотрел, глядел по широкому Северу,
По забытой людьми сторонушке,
Где в полях было горе посеяно,
Зеленые луга слезами политы,
Тяжелой думою происхожены.
Море Белое бурей плакало,
Леса темные талань прятали,
Груды золота глубоко в земле
На холодном Севере хранилися.
В нищете-заботе люди билися,
В день-денском труде притомилися.
Уж как ясная заря занималася,
Его светлая дума разгоралася—
Он задумал найти пути новые,
Север сделать стороною счастливою,
Из морских глубин взять сокровища,
Дорогую ценность взять с темных лесов,
Работать-то заставить машинушку,
Чтоб свободный труд был бы радостным,
Все богатства земли сдать трудящимся.
Не легко было думушку выполнить.
Много, много ночей было не спано,
Много горя было пережито...
Ночью темной, осенней, ненастною
Он отправился в поисках счастья народного.

Настигали в пути разбойники лютые,
Да помог ему неизменный друг,
Дорогой-то Ленин Владимир Ильич.
Они вывели людей из неволи такой,
На дорогу поставили славную,
Показали путь к счастью светлому,
Научили, как жить по-колхозному.
Величальные песни поет наш народ
О великом вожде—мудром Сталине!

БОЙ В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Расскажу я вам про великий бой
Во деревне нашей Концгорье.
Во году было в восемнадцатом,
Во тяжелом да долгопамятном.
На нас злые враги собиралися,
Горы каменные рассыпалися,
Наши села-деревни разрушались.
Те нежданные гости, незванные,
Они сирознали да все спрочуяли
Про обширный наш богатый край,
Где лесные суземы неизмеримые,
Во лесах птицы, звери разные,
Во реках, озерах рыбы множество,
В горах клады подземельные.
Вот их зависть-то и замучила.
Глаза-то у них завидущие,
Пакши-то у них загребущие.

Во осеннюю пору темную,
В одну ноченьку да ненастную
Набегали к нам звери страшные,
Налетали к нам птицы хищные,
К нам нагрянули банды белые
Со оружиями-штыками острыми,
Силой брали людей да обманывали,
Увозили с собой злой неволею,
А писали добровольцами.
Не на шутку Пинежане

растревожились,

Не спалось им, не дремалось.
Собирались пинежане скорешенько
Со домашними да со дробовками,
Со охотничьими ружьями,
С кремневыми да с пороховыми,
Заряжали пулями, медвежьими,
Отправлялись драться с белыми,
Отбиваться да защищаться.
Наши бабы и то собирались,
Говорили бабы друг со дружкой:
„Помогать мы будем мужьям-братьям,
Хоть с лопатами, хоть с ухватами,
Зубом, ногтем возьмем, а свое заберем,
На локтях сползем, да на своем сведем“.
Завязался тут кровопролитный бой
С утра раннего до ночи позднею;

Залетали пули проливным дождем,
Дети в ямах, погребках хоронились,
Много домов враги разрешетили
И скота и людей переранили,
Везде стоны и вопли слышались
Стариков, старух, матерей, детей...
Всего горя тут не выпишешь,
Всей печали тут не выскажешь...
Нас спорадовали да сповыручили
Вожди мудрые Ленин со Сталиным.
Заря ясная да занималася,
Ночка темная отдалялася:
Приходили к нам войска крепкие,
Из лихой беды нас повыручить.
Они грудью шли, крепко билися.
Банды белые, учуяв невзгодушку,
Не путем да не дорогой разбежались,
А собачьими все тропами.
Не удалось им забрать в когти крепкие,
Родимую Пинегу повыграбить,
Вековые леса повырубить,
Дорогих пушных зверей наших повыимать,
Нашу семгу — рыбу красную — повыловить,
Подземельные наши клады повыкопать.
Поднялася тут власть Советская,
Как от сна люди пробудилися,
Как от крепкого встрепенулися,

Леса пинежские пошатнулись,
Моря радостно всколыхнулись.
И теперь прошла слава громкая
Во все стороны света белого:
Далеко наша страна прославилась
Нашим Сталиным, родным батюшкой.

И лежал океан неизведанный,
Будто кем-то был заколдованный.
Много-много людей туда стремилось,
Все-про-все разузнать им хотелось,
Да боялись дороги неведанной,
Штормов, стужи, морозу всё лютого.
Вот задумал моряк Георгий Седов
Побывать, посмотреть полюс Северный,
Подобрал он себе людей крепких,
Разудалых ребят, славных молодцев!
На даянья людей-добродетелей
Снаряжали суденышко утлое,
Собирали снаряженьице бедное,
А харчи-то у них были скудноватые,
Да и хлебушком-то не очень заправные.
Много думал Седов о далеком пути,
Чтоб каким путем полюс высмотреть,
Да на случай несчастья великого
Взял надёжных слуг, собак езжалых.
Распростились с родными домашними,
Без больших проводин, без счастливых,
В путь далекий они отправились.
Как во той ли пути, во дороженьке
Им не столь трудна была работушка,
Сколь велика на сердце заботушка,
Как добраться до места желанного.
Призакрыли дорогу льды тяжёлые,

Все тому ли суденышку дряхлому;
Но решился Седов думу выполнить;
Говорил он, друзьям слово крепкое:
„Нам не честь будет молодецкая,
И не слава будет богатырская
Воротиться домой с полдороженьки“
Со двумя друзьями архангельскими —
Со помором Пустошным и Линником
Пешеходом пошел Седов к полюсу.
Тяжела была эта дороженька,
Шли не день, не два, шли неделями,
Истрепали одежду ветры буйные,
Притоптали обутку обо льды-ропаки,
От плохих харчей да от голода
Сокрушила болезнь в пути лютая
Удалого капитана-мореплавателя;
Подкосились его да ноги резвые,
Приопали с плеч руки белые,
Призастыла в нем кровь кипучая,
В глазах ясных потерялся свет,
Призакрылись уста сахарные
И твердить перестали о полюсе.
Так погиб Седов, славный русский
богатырь.

Умирал на руках у друзей своих,
Не исполнив желанья заветного.
Среди крепких льдов рядом с полюсом

И поныне спит мореход-герой
В ледяном гробу, спит он крепким сном.
Со того ли времени и со той поры
Прошло годов не малешенько.
Как на нашей земле на Российской
Наступили денечки весенние,
Обогрели нас теплом-радостью —
Наставала у нас да власть народная,
Власть народная да Советская.
Еще Ленин и Сталин, дороги вожди,
Повели людей к счастью светлему,
Открывали трудящимся дороженьки
Ко наукам всем, ко премудростям.
Наши славные ученые советские
Много тайностей у природ повызнали,
Доставали богатства подземельные.
Да была еще одна думушка —
Побывать у холодного полюса,
Где сложил свою буйную головушку
Богатырь-помор Георгий Седов.
Со того ли всё съезда партийного,
Со того ль пожеланья большевистского,
С позволенья великого Сталина
Мореходы, комсомольцы советские
Порешили плыть во дальний океан.
Снарядили-то они судно славное,
Судно крепкое „Георгий Седов“.

Нагрузили припасу на три годика,
Припасли одеянье самолучшее,
Собирали с собой яства сахарные,
Провожали в путь-дорогу их с честью-радостью,
Пожелали на прощанье пути доброго.
Как на том было „Седове“ немножко людей:
Четырнадцать молодцев с одним молодцем,
Все со славным командиром со Бадигиным.
Как Бадигин-то по кораблю похаживает,
Константин Сергеевич по червленому
погуливает,
Молодым друзьям наговаривает.
Он им речи говорит, будто золотом дарит:
„Мы не будем-ко страшиться бури-холода,
Мы со льдом будем бороться по-советскому,
Мы моря и океан да весь повыездим,
Глубину мы океанскую повымерим,
Мы по звездам пути повызнаем.
Не спокинёт во пути нас наша Родина,
Из Кремля на нас смотрит Правительство,
Кораблей всех мудрый Кормчий — славный
Сталин-свет“.

Взбушевались, подули ветры буйные,
Затрещали на заре морозы лютые,
Пополам-то сломалось судно славное.
Не скатной жемчуг по блюду рассыпается,
Ледокол „Седов“ во льдах да колыбается.

Потянули ветры сильные да буйные,
Понесло судно со льдами дальше к полюсу.
И не мало тут денечков прокатилось —
Во льду три года без малого судно плавало —
Побывали во местах да неизведанных,
Проложили путь-дороженьку неслыханную,
Поизмеряли глубины океанские.
Наступали сутки темны-беспросветные,
Буйным ветром сшевелились льды безмолвные,
С шумом-грохотом они стали ломаться,
Вкруг судна горой страшной подниматься,
Собирались раздавить корабль да засыпати.
Застонали, заскрипели борта крепкие,
Спокачался, спощатнулся с боку на бок
„Седов“,

Только славные богатыри советские,
Мореходы-комсомольцы наши славные
Не боялись, не упали духом-смелостью,
Грудью встретили ребята льды тяжелые
И смотрели в глаза смерти лютой.
Навещали моряков гости незваные,
Еще все ли те медведицы да белые.
Как на третьем году славна плаванья
Стало чаще греть красно солнышко,
А могучей волной да холодной водой
Потянуло „Седова“ к берегам родным.
Заплывать стали в морюшко Гренландское,

Как Гренландское-то морюшко сердитое,
Не добром гостей встречало, не почестью—
Расходилось оно штормовой волной,
Стало бить-торосить льды тяжелые.
Подавали моряки весть в Каменну Москву
Дорогому отцу, вождю Сталину,
Да правительству народному советскому,
Что бушует морюшко Гренландское,
Собирается судно разбить-утопить,
Всю команду оно может жизни лишить.
И пошел выручать их корабль-великан,
И повел его сам Папанин-герой.
Не мешала темнота пути-дороге той,
И нашли они „Седова“ в ледяном плену,
Увидали огонечки желанные,
Да мешала им застава хитрая —
Ледяная гора, ледяная стена.
„Ах, ты, морюшко, море Гренландское,
Ты зачем воскручинилось непогодушкой?
Ах, вы, льды, льды непокорные,
Разойдитесь-ко вы на две стороны,
Вы очистите путь прямоезжую
Долгожданым сынам нашей родины.
Не расступитесь доброй волюшкой —
Умом-разумом возьмем, силой разобьем!
Дайте вместе соколам-то слетатися,
Геройским судам вместе съехаться!“

Льды суровые не ослышались,
Сине морюшко не оспорилось.
Тут не яблоко с яблоком сокатилося—
Корабли наши повстречались.
Кругом-кругом веселье катилось,
Рядом-рядом суда становились,
Дорогие друзья седовцы обнимались,
Из ледовых когтей вырывались,
Ради той ли победы великой.
На горах ледяных знамя ставили—
Знамя Родины, знамя Сталина!
Как в обнимку два друга, от полюса
Направлялись два судна к родной
пристани,
Все к Мурманску, славному городу.
Их встречала страна честью-почестью,
Согревала их на груди своей.
Пригласили их во великий Кремль,
К самому вождю свету-Сталину.
О седовцах народ нынче песни поет,
В этих песнях великую честь воздает,
К новым подвигам новых героев зовет!

О МУДРОМ ПОМОРЕ СЕВЕРЯНИНЕ ЛОМОНОСОВЕ

Холодна страна наша Северная,
Отдаленный был да отсталый край,
В нем забыты были люди и брошены,
Ссылкой сделана была наша родина,
И ничем она тогда не славилась,
Будто не было в ней коней борзых,
Ясных соколов, злата, серебра,
Дорогих людей, все талантливых.
Завывали, выли ветры буйные,
Да трещали морозы лютые,
И гнулись, скрипели леса буреломные.
Куриным шагом шло тогда времечко,
Год от годика не скоротаешь.
Как во этой сторонушке студеную,
По быстрой Двине реке-магушке,

В небольшой деревне Денисовке,
Вблизи славного города Холмогоры,
Во крестьянской семье простой рыбацкою
Спородилось чадышко малешенько,
Всё по имени был Михаил свет Васильевич.
Родна матушка, чуя свой недолгий век,
Не сводила с него глаз, билась, растила,
Самоуком учила его грамоте.
Пролетело то время быстрой птицею,
Ведь при солнышке тепло, а при матери добро.
Но скоро хладная могила у него мать отняла,
И остался мальчик с лихой мачехой.
Сердце мачехи нежалостливое,
Слова грубые да с побоями,
Не хотелось обучать его грамоте,
А чтоб был бы у них под рукою
Да служил им верною слугою.
От горячих лучей земля прогревается,
А от мудрой науки люди просвещаются.
Ночами темными да утрами ранними
Втихомолку, украдкой от всех
Читал Миша книги дивные,
Полюбил он их всей душой,
Породнился с ними крепко-накрепко.
Но еще любил мальчик работу деревенскую
Да еще пуще охоту рыболовную,
Он с отцом ловил рыбу всякую

По морям, рекам быстрым, глубоким
На карбасах и лодках самодельных.
С любопытством все высматривал,
Он старался и задорился,
Любовался охотой чудною,
„Ведь хорошо рыбу ловить, которая
к берегу валит“.

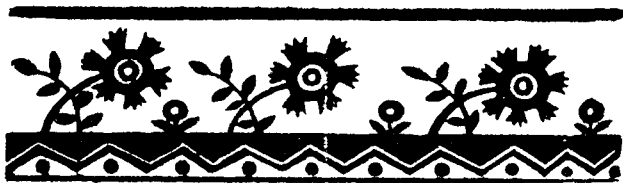
Во приятную погодушку весеннюю
Частым-часто выходил он на крутой бережок,
И садился он тут на зеленый лужок,
Со волнами-то он разговор держал,
Со родной Двиной разговаривал,
Тут делил он горе с радостью.
Покорялись ему волны бурные,
Приносили ветры ему вести разные.
Говорил Михаил слова ласковые,
Малолетний возговорил речи приятливые:
„Уж вы, ветры да ветерочки,
Ветры буйны да вихорочки,
Перестаньте-ко, ветры, бушевати,
Быстры реки наши колыбати,
Зверей страшных разгоняти
Да свежу рыбицу пугати“.
Вот и рос Миша не по дням,
Не по дням, а по часам.
И задумал он думушку крепкую.
Как из туч дожди проливались,

Его чудные мысли разгорались.
Без отцовского разрешеньица,
Без родительского благословеньица
Путиами тесными да неровными,
Дорогами узкими да тяжелыми,
Ночкой темною, ненастною,
На плечах с сумой, в одежде рваную,
Ноги босые, с куском хлеба за пазухой
Пробирался Миша пешком в Москву
древнюю,

На поисках ученья светлого.
Хоть отец-мать дитя спокинет,
А мир дитя всегда подымет.
Настигали его в пути извозчики,
Подвезли детинушку малолетнего
И от скуки его поприютили,
От усталости пожалели его.
Перву ночку в Москве белокаменной
Ночевал на возах он на улице,
Под открытым небом с добродетельми.
Натерпелся стужи, натерпелся нужды он,
Терпел многие да упреки он,
Людские разные да наговоры,
Что ушел из дома родительского.
В скором времени он устроился,
В одно училище московское.
Над большим ростом Михаила

В школе все тут надсмехались,
Дети дворянские ругались,
Притесняли простого помора крестьянина.
„Птице — крылья, а человеку — ум“.
Хорошо ему ученья давались,
Чудны мысли его собирались,
По стране Российской великою
Ломоносов был почетный сын.
Не ясен сокол да вылетывал,
Не сизый млад выпархивал,
Во чужу ту дальну сторонушку,
Как во те ли города заграничные
Отправлялся Михаил да Васильевич
Для окончания науки мудрая.
По одежде встречают, по уму провожают,
Принимали его там дорогим гостем.
Как светлая луна ходит во ночи,
Просветлил он наукой великий мир,
Он открыл богатства родного Севера
Во реках, во морях, во дремучих лесах.
Первым-наперво русским ученым был,
Много чудных дел творил:
Изучил светила поднебесные,
Поразведал таланты, клады подземельные.
Много на небе ясных звездочек,
А одна яснее и светлее всех,
Много было людей ученых,

По счастливой нашей сторонушке.
Книги славные да Ломоносова раскрываются,
Ученья мудрые его изучаются,
Как счастливое времечко сбывается,
Дела чудные Ломоносова исполняются,
Ломоносова взоры были глубокие,
А заслуги очень великие,
Он о будущем предугадывал,
Про счастливую жизнь он описывал,
Только ранешенько он срядился
И навеки от нас укатился,
Но память долгую он оставил.
Как от крику ли молодецкого,
Да от свисту ли соловьиного,
Не расколется ли та могилушка,
Не рассыплются ли пески желтые,
Где и спит-почивает Ломоносов-свет.
Мы пошлем ему весточку желанную
С частым дождиком да ключевой водой,
Не услышат ли его уши дивные,
Да не спроговорят ли уста сахарные,
Не посмотрят ли очи ясные
На нашу жизнь славно советскую!
Мы с почетом вспомним земляка ученого,
Северянина помора Ломоносова,
Михаила свет Васильевича.

У НАС КРЕПКАЯ СЕМЬЯ СТАЛИНСКАЯ

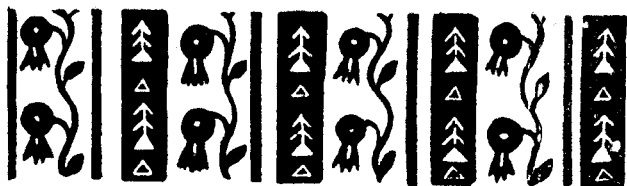
Сторона ли наша, сторонушка,
Все республика да наша родимая!
Широка ты у нас, любимая,
Уж ты дивная да очень чудная,
Со полями ты с плодородными,
Со лесами да с драгоценными,
Со горами да со высокими,
Со водами, морями богатыми.
В годы царские, тяжелые
Ты вдовой была горемычною,
Будто нива в поле без огородушки,
Значен перстень без позолотушки.
Вот и вспыхнули зори ясные,
Как настала да власть советская,
Вожди мудрые Ленин со Сталиным

Повели народ путями светлыми.
День за днем идет, время катится,
Крепнет, зреет наша республика,
Уж как яблоня в саду, стоит спелая,
Как калинушка в поле зрелая,
Словно ягода малинова наливается.
Люди все живут, как цветы цветут,
Жизнь идет теперь — рекой течет,
В золотой клубочек собирается.
Про тебя идет везде славушка,
Про счастливую жизнь про колхозную.
Только оторваны были да отняты,
От всего-то да роду-племени,
От желанной-то родной матушки,
От Советскою от республики
Литва, Латвия, Буковина с Эстонией.
Во тяжелой они жили во неволюшке,
Будто пасынки с лихой мачехой,
Как невестушки у злой свекровушки,
Хлеб-то соль им не доедалася,
Темны ноченьки не досыпались.
Малой пташицей да серой кукушицей
Скуковали день со утра и до вечера,
А как со вечера до полуночи.
Жалобнешенько в слезах речь говорили,
Родному брателку соловьюшку
наказывали:

„Полетай-ко ты, соловьюшко, на родиму
сторонушку,

Аль по ветру пусти весточку,
Всему роду-племени горячий поклон,
Родимой матушке — челобитьице.
Ты скажи родному батюшку,
Что давно к нему мы срядилися,
Свиданья скорого мы заждалися!“
Услыхал эту весточку ясен сокол,
Как ясен сокол да мудрый Сталин-свет,
Поднимал-то он руку правую,
Собирал-то он верных сынов,
Еще тех ли богатырей Красной Армии,
Выручал детей из лихой беды.
Как милы пташечки вместе слеталися,
Родны сестрицы республики собиралися,
Как река с рекою стекалася,
Дети с матерью да повстречалися,
Во тепло гнездо все скоплялися,
В семью родную возвращалися.
Как у отца-то родных дочушек,
У нас шестнадцать стало лебедушек,
Однокровных преславных республик.
Призакутаны все светлой радостью,
Как под теплым-то покрывалышком,
Все под Сталинской Конституцией.
На дверях у нас замки крепкие,

Подворотники крепко приперты,
На заставушках, орлы зоркие,
Ясны соколы скоролётные.
У нас крепкая семья Сталинская,
Со мудрым отцом, родным Сталиным.

НА ПРИЗЫВ ВОЖДЯ ВСЕ ОТКЛИКНУЛИСЬ

Кругом морей да глубоких
Велика страна раскинулась;
Счастливой жизнью она разукрасилась,
Вождами Лениным и Сталиным
прославилась.

Как не пыль-то в поле запылилась,
Сила вражеска фашистская разгоралась,
Злостью-яростью наливалась.

Подкрались вороги ночью темною,
Напали на славной Советский Союз.
Да как споговорил Сталин родным
голосом,

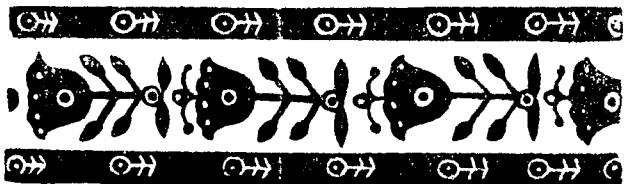
Призвал, сокликал словом ласковым:
„Вы, друзья ли мои, братья-товарищи,
Все вы женщины, названны дочери!

Наберитесь силы, духу-бодрости.
Вы спешите скорее на защитушку,
Обостаньте вы кругом свою Родину,
Дорогу страну Советскую,
Как родную мать, берегите ее".
На призыв полководца великого Сталина
Громко, дружно все откликнулись.
Поднимались народы славянские,
Все от малого и до старого,
Все единой грудью встали за родину.
Не крута гора да содвигалася,
Смелы соколы солеталися,
Краснофлотцы удалые соходилися,
Войско-конница соезжалося.
Молодые богатыри советские.
Как снопы, фашисты валяются,
Подыхают, как звери подбитые.
Не летать змее по поднебесью,
Не исчерпать воды во синем море,
Не хозяйничать у нас зверю Гитлеру
Над счастливой страню Советскою.

СТАЛ РАЗМАШИСТ УДАР ПО НЕМЕЦКИМ ПСАМ

В нашей славной стране, во любимой Москве
Много сильных людей, храбрых витязей.
Это братья, сыны, нами рожденные,
Сестры, дочери, нами вскормленные.
О геройстве их трудно словом сказать,
Умом-разумом силу их вымерять,
Будет вечно греметь про них славушка.
Они вихрем летают в густых облаках,
Чудо-рыбицей плавают в зыбких морях,
Лавой катятся по полям — степям.
Наши силы растут не по дням, по часам.
Стал размахист удар по немецким псам.
Как махнем дубьем, так и город возьмем,
Как еще махнем, вражий полк сметем.

ЕХАЛ ПО ПОЛЮ ВСАДНИК

Во синем-то море да туман густой,
На полях лежит снег глухим пластом.
Едет по полю всадник, боец молодой,
И наехал он на черный шатер.
В том шатре сидят трое злых врагов.
Перед ними, злодеями, девица,
Горько плачет она, как река течет.
Заплетает свою косу трубчатую,
А сама косе да приговаривает:
„Ты досталась, моя косынька, злым
мучителям,
Кровожадным фашистским разбойникам“.
Красный воин подслушал речи слезные,
Разъярилось его сердце богатырское.
Он первого врага конем стоптал,
А другого копьем уложил наповал.
Пашкой третьему снял он голову.

О ЛЕНИНЕ

Уж пора-времечко идет-катится,
Жизнь та радостна не минуется,
Только не стало у нас той радости,
Луны светлой да поднебесной,
Вождя мудрого, богатыря сильного,
Как Владимира Ильича, света Ленина.
Ведь дни и ночи о нас он заботился.
Его мудрые были мудрости,
Широки пути-дороженьки счастливые,
Во все сторонюшки они свободные.
Он собрал себе дружинишку добрую,
Молоду, крепку да храбрую,
Повернул-то он землю матушку.
Освободил-то он людей да от неволюшки.
Много надо было тут да силушки.
Он все сделал да мудрым разумом,

Все он сделал да сноровкою,
Много надо было да крепости,
Много надо было силы богатырской.
Он подошел к людям да ласково,
Он дал сестрам, братьям все, что надобно.
Всех утешил он людей да радостью,
Одарил всех наукой да грамотой.
И всем-то свет открылся нам,
Уж только жить бы нам да веселиться:
Выросла млада страна что яблоня,
Стали крепнути кругом да строиться.
Стала наша родина неузнаваема.
Но не все были люди добрые,
Не все умом-то были крепкие;
Они задумали Ленина убить-сгубить,
Они затеяли его света лишить,
Но ничем не смогли, а только пулею.
И отбили ему злодеи право крылышко,
Оторвали тут да сизо перышко.
Уж пора-времечко да миновалася,
Уж за один час нам да показалось,
Видим, солнышко да утомилося,
За высоки горы да укатилося,
Как подрезали ноги резвые,
Приопали с плеч руки белые,
Не глядят на свет да глаза ясные,
И не стало вождя мудрого да учителя,

Он заснул навек непробудным сном.
Не взойдет-то да солнце с запада,
Да не встанет наш Владимир Ильич.
Не разбудит его народный клич.
Уж и знает ли да ведает ли он,
Как про нашу жизнь да треложную*,
Про людское-то избиеньице,
Про кровопролитное великое сраженьице,
Да про ту печаль мудра Сталина.
Как ударим да в большой колокол,
От звона колокольного, от клика

молодецкого,

Не расколется ли мать сыра земля
На четыре-то равных жеребья,
Не откроется ли гробова доска,
Не пробудится ли от крепка богатырска сна.
Не восстанут ли ноги резвые,
Не размахнутся ли руки белые,
Не заговорят ли уста веселые,
Не размыслятся ли мудры думушки,
Не помогут ли другу верному,
Многозаботливому вождю Сталину,
Не разделят ли промеж собой горя,
Как великой той да кручинушки,
Об людях детях да печалюшку.
Тяжело-горько время накатилось,

* Треложный — тревожный.

Дым и смрад кругом невыносливый,
Веселье, радости да миновались,
Со слезами они сомешались,
Ты велика, наша заботушка,
Силен-могуч богатырь своей мудростью,
Умом-разумом, своей храбростью,
За твои дела да за чудные,
Возненавидели нас люты вороги,
Очумелые людоеды кровожадные,
Они льют кровь русскую понапрасну-то,
Как собаки, везде бросаются.
Подступили они к Москве древнее,
Но уж тут для них мы пир устроили.
Закрыли дороги богатыри советские
В наш обширный край, землю русскую —
Красная Армия с полководцем Сталиным.
У нас отцы родные страну строили,
Миллионное войско повырастили,
И чужой земли нам ненадобно.
А свою мы очистим от тех разбойников.
И опять страна наша встанет-подыметься,
Зарастет-зацветет лучше прежнего.

СЛОВО СТАЛИНА НЕРУШИМОЕ

Не скатной жемчуг да по блюдышку
По серебряному да рассыпается,
А как по всем домам, углам, переулочкам,
По районам, колхозам, деревенькам,
По родной стране по Советскую
Речи ласковы, слова отцовские
От любимого Сталина проносятся.
Он приветствует дорогу семью,
Сыновей, братьев, милых дочерей,
На фронтах и в тылу Красну Армию,
Всех героев, богатырей советских,
Краснофлотцев боевых, смелых летчиков.
Поздравляет всех он с Маем Первым,
С весной красною, летом теплым.
Он наказы нам дает правые,
Он приказы дает свои мудрые,
Он наметил пути к жизни светлые,

Научил, как разбить врага лютого.
Мы со радостью речь ту встретили,
Со любовью все прослушали,
От желанного сердечушка.
„Дорогой отец, родный батюшка,
Уж мы знаем все, знаем-ведаем,
Тяжела на нас доля выпала,
Навалился на нас супостат лихой,
Он нарушил жите наше мирное,
Разорил страну цветущую,
Обобрал, обокрал всех трудящихся,
Он стоптал поля хлебородные,
Истиранил жен, малых детушек.
Изо всей-то силы своей крепкою,
Бережем мы страну от разбойников,
От фашистов все подорожников.
Мы своим трудом да могучим
Одолеем ремесло, работу незнамую,
Заменили в труде мы мужей, отцов,
Непокладая рук каждый день и час
Куюм стрелы да каленые,
Штыки острые да железные,
Танки сильные, ружья меткие,
Самолеты все быстролетные.
„Ты лети, стрела наша острая,
Выше леса да по поднебесью,
Што пониже травы по сырой земле,

Пади не на землю, не на воду,
А по врагу, на его многолюдный полк,
По плечи сруби им черные головы
За их страшные злодеяния,
За кровь, за слезы невинных людей...
Гады бесятся и свирепствуют,
Они хотели нас в один день сгубить;
Слово скоро сказать, да не легко нас
забрать.

Над своей страной мы хозяева,
Враг не в первый раз на нас бросился,
Разъярил наши сердечушка ретивые,
Распалил да кровь горячую.
Наш великий народ богатырь был всегда,
Каждый час мы готовы врагу дать отпор,
Трудом дружным да усердным.
До зари пойдем на работушку,
Ведь горяча пора, нам забота больша,
Со работою летнею мы управимся,
Мы тебе, родной Сталин, спасибо шлем,
Спасибо шлем да слово крепко даем:
Сбережем от врагов свою кормилицу,
Чернопашечку, землю плодородную.
Страна Советская нам родная мать,
Мы печемся о ней да заботимся,
Во дозоре ночном, не смыкая глаз,
Все мужья, сыновья за врагом следят—

Это доблестная Красная Армия.
Об отваге их трудно все сказать,
И все подвиги пером выписать,
У них храбрость храбра, крепость крепкая,
Богатырская сила неизмеримая,
Они прилежно все стараются,
Выполняют слова полководца любимого.
Изучают оружия все огнестрельные.
Узнают мудрость, способы военные
Без промашки бить врага лютого,
Поскорее очистить земелюшку советскую.
Враг пытается так и пытается смяк,
Применяет коварства змеиные,
Но наш мудрый народ—его зверю не взять! -
Кровопийцам лихим он положит конец.
Мы развеем их прах в поле по ветру.
Слово Сталина нерушимое!
Всем народом его с честью выполним!

СКАЗАНЬИЦЕ

Уж я крестьяночка да простая,
Деревенская да пожилая,
Как бы молодость моя да вернулась,
И еще крылья бы мне да лебединые,
Уж поднялась бы то я высоко,
Полетела бы я да далеко,
В белокаменну да столицу.
Уж много раз я там да бывала,
Всего дивного там да видала,
Мудрого всего да слыхала.
Полетела бы я к нашим защитникам,
К неизменным быстрым заступникам,
К перелетным ясным соколам,
Ко удалым-то добрым молодцам,
Ко бесстрашным героям отважным,
Ко великим полководцам мудрым —
Посреди-то полков да Красной Армии,

Я со радостью с ними бы побывала,
Дорогую свою Родину позащищала.
Уж я не саблями смогу острыми,
Не ружьями, пулями да меткими,
Не снарядами, бомбами да тяжелыми,
От сердечушка-то я да горячего,
Со крепкого ума да разума,
Сказала бы им да сказаньице
Все про прежнее да побываньице,
И про те ли времена да грозные,
Про богатырей сильных, могучих,
Все про Минина да про Пожарского,
Про Илью-свет да про Муромца,
Про Святогора да славна богатыря,
Про Вольгу сударь Всеславьевича,
Про славного витязя Бову Королевича,
Про велики да славны подвиги,
Про горячую любовь богатырей

к Родине.

Уж было много на Руси людей славных,
Много подвигов все за отечество.
Русский человек стоял выше всех,
Он принимал присягу перед Родиной
До последней капли крови,
до победушки
Биться, сражаться за родимый край.
Сусанин, костромской крестьянин Иван,

Принес себя в жертву за Родину.
А теперь у нас сотни Сусаниных,
Сотни советских богатырей.
Не забудется слава громкая геройская,
На воде не утонет и в огне не сгорит.
Уж я вспомню молодость да цветущую,
Наберусь-ко силы-храбрости
И придам бойцам больше бодрости,
Взвеселю я страну да порадою,
Подарю бойцам да по подарочку,
Пускай крепче бьют врага Гитлера,
Стерегут страну да каменну Москву.
Будут выше летать ясны соколы,
Да проворно махать руки белые,
Будут ярче блистать сабли острые,
Разгоним, погубим зверя хищного.

ИСТРЕПАЛ ГИТЛЕР СМАЗНЫЕ САПОГИ

По Московскому по берегу
Да по крутому возле быструю реку
Размышлял Гитлер дорожку далеку
Пообедать во красавице Москве
С черной сворой со звериною,
Со нечистой, со змеиною.
Сам он выехал на лаковых сáнях
И на тройке сторублевых лошадях.
Подступили те изменники к Москве
И хотели жить во красном во Кремле.
Изломались, изогнулись в три дуги,
Истребал Гитлер смазные сапоги,
Сани лаковы сломались,
Лошаденки распрягались.
Издалека видят: ягодки висят,

У фашистов слюнки изо рта бежат.
Повстречали их герои-соколы,
Полководцы москвичи-богатыри.
Угостили их не пивом, не винцом,
Опохмелили гранатой и свинцом.
Вот-вот так здорово!
Вот-вот так здорово!
Без обеда в путь собиралися,
Без ума назад бросалися.
Скоро скоро будет Гитлер подыхать,
По стране нашей злодею не гулять.

О ПАРТИЗАНКЕ ТАНЕ

Как во дни было опасности,
Во тяжелые подмосковные,
Да при всем-то напряжении
Врагов лютых гитлеровских.
У села на опушке лесной
Вылетала тут ласточка—
Молодая юная девушка,
Добровольная партизаночка.
Она шла, знала-ведала
Ту беду неминуемую.
Но ретивое у ней сердце билось,
Отомстить врагам захотелось ей.
И попалась она в руки зверские.
Уж как мучили они да тиранили
Несозревшую ту ягодку,
Молодую партизаночку,
И пытали у ней ума-разума

О вожде да о Сталине.
И без страха и без ужаса
Гордо Таня отвечала.
Злоумышленники-изверги
Долго, долго издевались
Казнь придумали — виселицу
Посреди села Петрищево.
Среди сама дня-то белого
Партизанку Таню вешали.
И промолвила с силой, бодростью:
„Я за счастье за народное
Жизнь отдам свою цветущую.
А вы крепитесь, боритесь,
Сестры, братья все советские.
Крепче бейте врага-ворога,
Очищайте от проклятых
Города, села ограбленные“.
Так оставила память Родине,
А сама уснула навеки.
Перепившись, те мошенники
Еще над телом издевались,
Да булатным-то кинжалищем
Тело белое крошили-резали.
Имя верной советской дочери,
Котора с врагом боролась,
Со зверями кровожадными,
Никогда не позабудется.

А у нас в стране сотни-тысячи
Патриотов молодых советских.
Все Татьянину примеру
Все обязаны следовать.
Надо силою бороться
За дело правое, за отечество.

ДЕВИЧЬЯ

Все мы девушки развеселые,
Все подруженьки да разудалые.
Одна девушка призадумалась,
Одна голубушка прикручинилась.
Со иным-то дружкой да спозналася,
Золотым-то перстнем обручалася,
Дала слово ему неизменное:
„Помнить буду тебя, друга верного.
Пришло времечко, да все буйное,
Разлучить-то хотят нас разбойники.
Нападал атаман темной ноченькой,
Разбужал-то людей от сна крепкого.
Сна-дремотушки все лишились,
Во единый-то круг становилися.
Дума-думушка все сушит меня“.
Милому-то дружку весть дала.
Весть-письмо получил он нежданное.

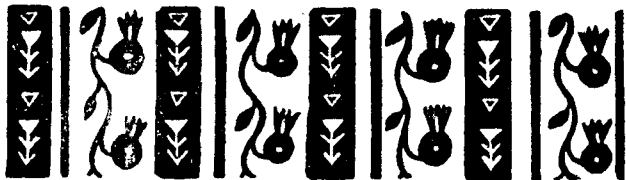
„Нам пришла-то пора-раставаньице,
Все пошел-то войной атаманице.
Ты ищай-то коня, друга верного,
Ты гнуздай-ко его крепко-накрепко,
Ты седлай-ко его во седельшко,
Торопись-ко, скачи все без устали
По чисту-то полю в каменну Москву,
В каменну Москву ко чудну Кремлю,
К родну бабушке свету-Сталину.
Востру саблю проси, ружье меткое —
Срубить голову Гитлерищу.
В путь-дорожку тебе ехать дальнюю,
В битвах быть тебе там, на побоищах,
С гитлеровской-то шайкой расправиться,
С псом-собаками поразделаться,
Угомони, заруби нечисть черную,
Русскую кровь искупи неповинную,
Будь ты сыном надежным всей Родины.
Спомни, милой, слова и наказы мои,
Ты на сердце держи все прощаньице,
На колечко взгляни обручальное“.

ВСЕ НАД СЛАВНОЮ НЕВОЙ-РЕКОЙ

Все над славною Невой-рекой,
Над стеной было Ленинградскою,
Над заставушкой над Невскою,
Над Васильевским было островом,
Над пристанью корабельною.
Как не во пору, не во времечко
Цепи порвали да железные,
Сети срезали сторожевые,
Нашли ходы тут подземельные,
Из чужой земли гады хлынули,
Во Балтийское морюшко ринули
За морскою они свежей рыбицей,
За морским богатством неисчерпаемым,
За брильянтами разноцветными,
За златом, жемчугом бесценными.

Они бросились на морюшко низкое,
Стрелами огненными на дне кружатся,
Во морской пучине роются,
Подточить хотят глубоки норы,
Обсушить сулят моря синие,
Сломить думают пределы советские,
Сорвать ладятся замки крепкие
На фронтах границах многолюдных.
Во тяжки мысли Гитлер ударился,
Рвется, мечется, да понапрасну.
Но неподступна гора каменная,
Непрострельная крепость крепкая.
Ее не смоят часты дождики,
Не сдуют вихри-вихори,
Не спечет ее жарким солнышком.
Они стоять будут, как поставлены,
Расти, крепнуть крепче старого
Людам добрым на утешенье,
Врагу лютому опять на завидость.

КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИШЕЛ, ТОТ В ОГНЕ СГОРИТ

Нам даны были летны крылья лебединые,
Поднимались вольны пташки быстролетные;
Над родной страной они кружилися,
Неоглядной красотой любовалися:
Там стоят, шумят леса могучие,
Приодеты леса в темны бархаты,
Как в узорчатые да в игольчатые,
Стрункой тянутся широки пути
Да железные дороги прямоезжие.
Новорублены постройки грановитные.
Так росла да крепла молода страна.
Да не сыры боры от ветра расшаталися,
Кровожадная гитлерщина навалилася,
Они на завидости к чужой земле
помешалися,

Их глазища от чужа добра разгорались,
Ненасытна их утроба, пакши загребущие,
Провалиться бы им сквозь сыру землю.
Не пролезть верблюду во игольны уши,
Не забрать Гитлеру наш богатый край.
Кто с мечом к нам пришел, тот в огне
сгорит.

Свою Родину наш народ отстоит.
Соберемся мы, братья-сестры родные —
Мы одной семьи да одной матушки
Дорогой Советской да Республики,
Не хвастливого мы роду боярского,
А простого рабочего, крестьянского.
Созывал вождь Сталин нас громким
голосом,

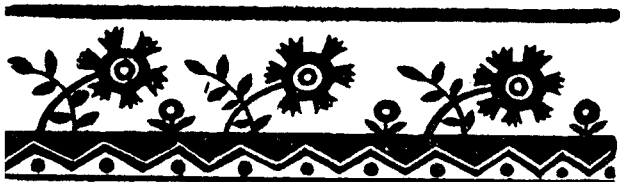
На Отечественную войну за Родину.
Все горой мы стоим крепкой каменной,
Заставушкой стальной непрохожею.
Не отдадим без боя мы советской земли,
Как фашистскому роду да разбойничьему,
Как тому ли Гитлерюге кровожадному.

БОГАТЫРЬ-ТО НАРОД ВЕЛИКИЙ НАШ

Велика страна росла, как рощица,
Молодешенька да свободнешенька,
Налетела саранча тут черным облаком,
Набегали стаи зверей лютых,
Снаряды огненны градом сыпались,
Как из темных туч проливались,
Грабил вор добро крестьянское,
Пожирал людоед скотинушку колхозную.
Им нужна была да Москва каменная,
Крепость крепкая да Кремлевская.
У нас кругом везде заставушки,
Добровольные да партизанушки,
Народ увидел, как горит земля,
Что нарушаются нивушки колхозные.
Не стерпело сердечушко ретивое,
Поднимались скорешенько на резвы ноги,
За крепкие винтовки все брались,

Во дружинушки да содвигались,
Тут сливались заодно с Красной Армией,
Со почетной могучей Советской гвардией.
И сходились все войска наши несметные,
Богатырские да советские,
И пошли махать боевые орлы,
Бить и гнать врага во все стороны.
Ловят их они ночами темными
Все заставушками непроходимыми,
Как в великих сраженьях под столицей
Силы храбрости у воинов прибыло,
Они смертушки не боялись,
Отдавали жизнь за любимую Родину.
Не числом они брали, а смелостью,
Молодецкою удалью да ловкостью,
Геройством, сметкою и отвагою,
Умом-разумом велика вождя,
Отца мудрого, родного Сталина.
Спошатнулась тут сила поганая,
Все фашистская, германская,
Нападал на них превеликий страх,
Потемнел тут свет у собак в глазах.
Не мурава трава спокачалась,
Не лазоревы цветки спошаталися —
Каменна гора надвигалася,
Красна Армия за ними гналася.
Поскакали тут псы проклятые,

КРЕПОСТЬ НЕПРОСТРЕЛЬНАЯ

У морей у глубоких, у океанов бездонных,
Во суземах* дремучих, среди долин и лугов,
На горе на высокой, во красе во великой
Вырастало орешенье да орешенье-вчшенье.
У того орешенья коренья булатное,
Ветви-листья сахарные,
Да вершиночка жемчужная,
Да позолоченая маковка.
Это наша славна Родина,
Это наша золота гора.
К ней, к горе, подкрался вор ночью,
Супостат, грабитель, вешатель.
Он задумал эту гору скрыть
Да орешенье огнем спалить.
Уж ты, Русь, страна Советская,

* Суземы — леса.

Ты ль мечом не встретишь врага,
У тебя ль нет богатырских сил,
Войска храброго да добрых коней?!
Поднималась вокруг горы
Сила крепкая, несметная.—
Это наши красны воины,
Наша гвардия могучая,
Это вихрей укротительница,
Это крепость непрострельная.
Вы, сыны наши родимые,
Мужья верные, военные!
Не жалеете вы силы-храбрости,
Ударяете вы без устали
По хребтам-затылкам вражеским,
Принесите вести-радости
По великой всей сторонке,
Как спасли Москву любимую,
Так освободите земли советские,
Лютым врагом захваченные.
Светло небо будет, красно солнышко,
А на земле весел наш советский народ.

ПОД СЛАВНЫМ ЛЕНИНГРАДОМ БЫЛО ГОРОДОМ

Во великой стране да во Советскою,
Под славным Ленинградом было городом,
Над матушкою да Невой рекой,
У Васильевского острова великого,
У многолюдной пристани портовой,
У родного морюшка Балтийского,
Кругом заставушка да корабельная,
Крепка охранушка да военная.
Да во глубокое да морское донушко
Проточились, прорвались змеи лютые,
Гады страшные да семиглавые.
Глубоки норы рыли подземные,
Там огнем они дышали пламенем,
Они шарили-шныряли без утеху,
Шипели змеи там без умолку.

Они гнались за добычею, кровожадные,
Взволновали гады морюшко богатое,
Природное такое советское.
Не стерпело, взволновалось родимое,
Закипело дорогое сердце Родины,
Становилися от ужаса волны страшные,
И горами поднялася пучинушка,
Разноцветными волнами расходилося,
Расшибало-разломало оно ворогов.
Как по тем берегам песочным
Оно не дало врагам поживитися,
Беспощадно их смывало со морского дна,
Непрестанно умертвляло врагов бурюю.
Мы родное любим морюшко Балтийское.
Все вы верны сыны геройские,
Многосильны корабельщики храбрые,
Вы с любовью примите наказ
От родных своих да от колхозников,
От лесных районов северных,
От рек, да от озер краснорыбных —
Добивайтесь вы, родные, победушки!

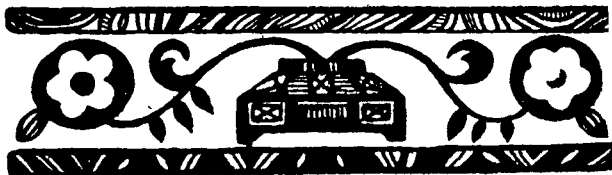
ПИСЬМО В СЕВЕРНЫЕ КОЛХОЗЫ

Утром ранним весной красною,
Напишу я письмо быстролетное
Из славного города Архангельска,
Из родного нашего портового,
Где лесных заводов много-множество.
По широкой по почтовой по дорожечке
Я пошлю это письмецо во природный край,
На свою желанную родину,
Во колхозные наши деревенки,
Во любимые теплые гнездышки,
К порядовым-то я да своим соседушкам,
К задушевным-то подруженькам,
Ко заботливым все хозяйюшкам,
Ко трудящим-то колхозницам,
Ко родне-то всей да ко племени.
Шлю я вам да свой низкой поклон,
Челобитье мое да великое!

Уж молодушки вы да молодые,
Красны девушки да удалые,
Мастерицы женочки да пожилые,
У вас заботушка теперь да большая,
У вас на сереце дела да великие —
Наши верные мужья да колхозные,
Все хозяева наши надёжные,
Они срядились да ушли от нас
На поля-то да на бранные,
На защиту нашей Родины.
Навязал войну нам лихой злодей,
Захотел он захватить поля наши урожайные.
Все хозяйство-то теперь да на вас легло,
Колхозное на вашу волю выпало.
Открывается бел-велик ковер,
Тепло-душисто покрывалышко.
Как от крепкого сна да от долгого,
Пробуждается мать сыра земля,
Все поля ли наши да широкие,
Пригорушечки круты, высокие,
Заливные те луга да пожни гладкие,
Яркой зеленью леса покрываются,
Во зелен кафтан да приоденутся.
Потекли потоки серебристые,
Зажурчали ручеечки шумливые,
Они разыщут пути-дорожечки в моря синие.
Прилетят скоро пташечки певучие

С новостями к нам на широкий двор,
Приближается пора-времечко горячее,
Посевная работушка поспешная.
Вы возьмитесь-ко, голубушки, по-ударному
За посев, за работушку мужицкую,
Спасите пашенку до восхода солнышка,
На быках, лошадях, наших помощницах,
Землю матушку да вы повыверните,
Серы камешки да все повытряхните,
Колыбель вы сделайте пуховую,
Уложите зернышки протравлены,
Пшеницу, ячмень, ряд все по ряду, —
На новые целины на великие.
Вы посеете-ко лен-долгунец, —
Ко всему приложите старанье с любовью,
Разрыхлите землю чернопашечку,
Под картошку и лук скороспелую,
А как выпреет земля и прогреется,
Поспешите посеять репу сладкую
И турнепс кормовой для скотинушки.
За повседневный труд и заботы большие
Нам уродит земля урожай небывалый,
Заблестит зерно ярче золота,
А кормилец ленок волокнист и бел
Серебром в горстях весь рассыплется.
Мы обильны хлеба обмолотим все,
Мы накормим героев-ударников,

Наших славных рабочих-стахановцев,
Что куют оружие булатное
На врага-супостата, насильника.
Мы пошлем сладкий хлеб Красной Армии,
Мужьям, братьям и сынкам родным,
Силы-храбрости у них пусть прибавится.
Они выполнят полководца наказ,
Дорогого, любимого Сталина.
Освободят земелюшку советскую
От захватчиков, черных воронов.
Светло будет греть красно солнышко,
Будет счастлив наш советский народ!
Мы пойдем с отцом, родным Сталиным
По счастливой дорожечке колхозною.

БЕЙТЕ ВОРОГА, МОИ СОКОЛЫ

(Моим дорогим землякам, бойцам Красной Армии)

Новогоднее поздравленьце,
Дорогое да пожеланьице
Красным воинам, гордым соколам.
Уж литое перо я в руки возьму,
Письмо-весточку я на фронт пошлю
Молодым бойцам, командирам молодцам.
Я геройство с отвагой прославлю,
С новым годом красных воинов поздравлю.
С новым годом да с новым счастьем,
С драгоценным да со здоровьем.
Шлю всем низкие да поклоны,
Всем им ратных успехов пожелаю
Я от всей души материнской,
Да от сердца от ретивого.
Вы ребята да молодые,

Все вы братья, сыны нам родные,
Старый год, не печалься, кончайте,
Новый радостный год встречайте.
Набирайтесь да крепкой силы,
Прогремите громкой победой.
Далеко вы, но мы вас видим,
Каждый день про вас радость слышим.
Мы на дружбу дружбу помножим,
Чем сильны, тем и вам поможем,
Чем богаты, все дать вам рады,
Чтоб были пушки у нас и снаряды,
Чтобы врагам убежать не удавалось,
Чтобы небо им с овчинку показалось.
Силы-крепости нам не занимать итти.
Наша армия народная
За родную землю славно борется,
А за ней стеной могучею
Сила запасная надвигается.
Месяц в небе не один горит—
Вкруг его миллионы звездочек.
Из Кремля наш Сталин кликнет клич—
Вся страна тотчас откликнется.
На Москву холопы Гитлера
Завидующие глазищи пялили,
Осаждали нашу белокаменную
Стаи злых зверей, лютых ворогов,
Да рановато чужим добром хвастались,

Не уловив рыбу, в котле варили,
Не подстрелив птицу, теребили ее,
Не зашедши в дом, за стол садились.
Наши ясные соколы да вылетывали,
Белы кречеты выпархивали,
Выезжали добры молодцы.
И пришла врагам беда неминучая:
Угостили мы гостей непрощенных,
Показали им от ворот поворот.
Кто попал под удар, тот костью полег,
Кто бежать захотел, того путь недалек:
От могилы его не уйдет голова,
Зашумит над могилой бурьян-трава.
Бейте врага, мои соколы,
Не давайте ему опомниться,
Чтобы в новом году на нашей земле
Не осталось проклятой гадины.
От меня вам наказ да от ваших родных,
От соседей, от всех, кому честь дорога:
Чтобы светел опять был советский дом,
Истребляйте до самых корней врага.

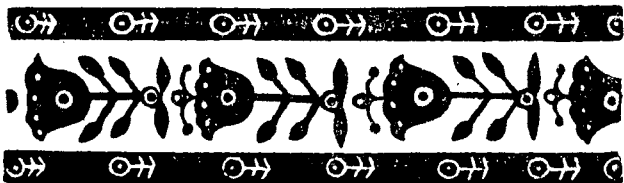

НАСТУПЛЕНИЕ

(С к а з)

Как по славной реке Волге-матушке,
По прекрасным берегам по развилистым,
Что под Сталинградом, старинном городом,
Тут не две грозных тучи накатились,
Не две каменных горы содвигались,—
Силы крепки, жестоки сражались:
Русски с немцами тут крепко дрались
Не недели, не дни — целы месяцы.
Злодей кипел и шипел по-звериному,
Он устроил преграды себе вечные.
Но вдруг вспыхнуло пламя огненное,
Поднялась наша силушка могучая,
Богатырская да Красна Армия.
Закипели у бойцов ретивы сердца,
Засверкали очи ясные.

Сшевелились руки молодецкие
И пошли они махать во все стороны.
Тут понесся злодей не оглядываясь,
Спокидавши города, населения,
Разбросавши войска с самолетами
И тяжелы орудия огнестрельные,
Лошадей обозы с припасами.
Наша Красная родна Армия,
Она гонит злодеев злоумышленных
С каждым днем все вперед.
Как про нашу-то Красную Армию
Везде-то идет громка славушка.
Про силушку могучу богатырскую,
Про удаль громкую, молодецкую,
Все про подвиги удалы военные
По всей по стране, нашей Родине.
Приближается то времечко
Всем желанное, долгожданное,
Праздник будет у нас, ликование,
Засияет красное солнышко.

КАК НЕ ЧАСТЫ МЕЛКИ ДОЖДИЧКИ

Как не часты мелки дождички
На земли грудь да проливаются,
На траве и всходах на весенних
Серебром роса рассыпается.
Как по всей сторонуще великою,
По славной счастливою Советскою
Теплы гнездышки да разрушаются,
Горе-горько, милы деточки
Без родителей, крошки, остаются,
Они без жалости да сердечной
И без ласки-неги да материнскою,
Ведь от ненависти врага лютого,
От супостата, злодея ярого
Житья мирные все разрушились,
Семьи дружные все рассыпались,
Нет покоя от гадов, нет жалости,
Ни старым и ни малым крошечкам.

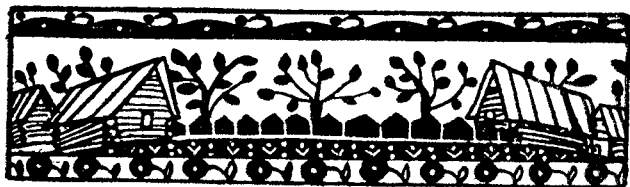
Но не на тех людей они набросились,
Что боялись их да пугались.
Мы ведь сами страны своей да управители,
Все житью-бытью мы хозяева.
Смело постоим за свою Родину,
Братья-сестры мы да дружные,
Меж собой мы делим горе с радостью;
В чужи земли мы ведь не заглядываем.
Много есть желанных желаний
У матерей добрых советских,
Они кормилицы наши, матушки.
Забилось сердце у них материнское,
Жалость детская да отцовская,
Назвались они отцами и матерями,
Прибрали к себе деток, оприютили,
Надо их вспоить-вскормить, надо вырастить,
Но отец-мати спокинёт, мир подымет.
Наш родной отец многозаботливый,
Он печется о всех детях дни и ноченьки,
Об невинных малютках он до зореньки,
Дает наказы он да во все стороны,
Чтоб везде было да все устроено,
Оприючено, сделано да успокоено.
Мы должны-то быть все сознательны,
Помогать друг другу всеми силами,
Переносить беду на нас напавшую.
Дорога для нас жизнь свободная,

Вместе чару пить нам налитую.
Но как пригрело солнышко весеннее,
Все кругом растет да воочью цветет,
Крепко крепится жизнь веселая,
Будет больше скота и лошадушек,
Урожай земля уродит скорехонько,
Еще больше будет людей жалостливых,
Для несчастных бедных птенчиков.
Будем крепче помогать трудом, работою!
Крепки плечи мы да расправим,
А на своем мы все поставим,
Хош тяжел этот год, но замечательный,
Для разгрома врага окончательный.
Довольно с горем нам больше

крутится,

Надо с бедой навсегда распроститися!
И опять будем, как весной цветы.
Разоренные семьи будут счастливы,
Оприючены детки позабудут все.
Мудрый Сталин родной, да всегда мы
с тобой

До победной великой минуточки.
Еще крепче сомкнемся мы все, родимые,
И поможем дорогой Красной Армии.
Она надежда наша неколебимая,
Со всеми вождями да героями
Стена каменная, нерушимая.

О ПЛЕМЯННИЦЕ

При колхозной долинушке,
При раздолье широком,
Во саду во зелененьком
Вырастала тут вишенка
Со корнями булатными,
Со плодами сахарными.
Вдруг сломали ей веточки,
Она стала печальная.
У одной милой крошечки
Да скончались родители.
Тут осталась сироточка.
Но колхозные люди-те
Приложили заботушки,
Там старушечки жалостливые
Ко рукам ее прибрали,
Она росла да резвилася
Со подруженьками девочками,

Работать научилась
С песнями со веселыми
Весной на нивушках великих,
На полосах широких
Все по травушке, муравушке,
По цветочкам лазоревым.
Покаталась на лодочке
Все по озеру да зеркальному,
Что во тихих заводях,
Где залетные уточки
Утешались плескались.
Хорошо во колхозе жить:
Жизнь привольна да радостна!
Стосковалась девушка
О родимом своем дядюшке,
Что на фронте сражается.
Ждет от дядюшки родного
Письмеца да той весточки.
Ей узнать все-то хочется,
Как с врагом он сражается,
Гонит немца в возвратный путь.
И еще есть желаньице,
Чтоб приехал на свиданьице.
„Я б с ним радостно встретилась,
Обо всем рассказала бы,
О колхозе зажиточном,
О своем полном возрасте,

О счастливой о радости.
Спасибо власти советской,
Спасибо родному Сталину.
Крепки у него заботушки
О родимой сторонушке“.

О ЛЕНИНГРАДЕ ПЕСНЯ

Как над матушкой Невой-рекой,
Над Ленинградом славным городом,
Над Васильевским славным островом,
Что над пристанью корабельною,
Над заставушкой морской крепкою,
Тут кругом корабли стоят червленые,
А хозяева люди все ученые—
Моряки, ребята статные, brave.
Они силушки все да богатырскою,
А как храбростью да молодецкою,
Не упали они духом в грозны дни,
Когда страшны грозы подымались,
Все моря-океаны взбушевались,
И грозила опасность неизбежная
Ленинграду, городу златоглавому,
Роду-племени да любимому.
Но как крепки наши заставушки,

Скору, быстру да заступники,
Бойцы ленинградцы разудалые
Перетерпели с надеждой эту бурюшку.

О СЕВЕРНОМ КОЛХОЗЕ

Как у нас-да было на дальнем Севере,
Посреди-то землицы суровою,
Стоят-дремлют леса, приклонилися
Под пушистыми белыми шапочками.
А как в длинные ночки темные
Нам, старушечкам, спати не выпати
И на печке лежати не вылежати;
Я решила писать быстру грамотку,
Про счастливую жизнь, про колхозную,
Про свои про богатства природные.
Соберемтесь-ко, милы соседушки,
Молоды, боевые все молодушки,
Разудалые красные девушки.
Мы подумаем думушку заодно,
Хорошо бы нам жить да работать.
Тяжело только нам да приходится:
Мужички-то, вся наша заменушка,

Скоро два года с нами расстались,
Не охотушкой все тут срядились—
Злы враги на страну попустились.
Призывал всех тут Сталин громким
голосом;

На призыв все ему да откликнулись.
Мы остались в колхозе хозяева,
Дело править мы все научились,
И без горя живем, подчас песни поем,
Мужьям радостну шлем всегда весточку.
Время день за днем, месяц за месяцем,
Все с работою да с заботою
Незаметно пора так и катится,
Опять к матушке весне приближается.
Пораспустятся ковры пушистые,
Поразбудятся дремучи леса,
Разольется тут ключева вода,
Приумоет все зелены луга,
Птицы стаями прилетят тогда,
Закричат везде своим голосом.
Ох, как радостно сердце трепещется!
День и ночь поют неумолкаючи,
Сидят на кусточках, на малиновых
листочках,
Тогда с радостью да с весельицем
Люди дружные выйдут на поля.
Тут и стар и мал выйдет, выползет

На широки нивушки колхозные.
Возрастет-то все, расцветать начнет,
Ароматом весь воздух покроется.
Что ни думаешь, что ни делаешь,
А с ума не идут мужья, братия!
Они живы ли там, здоровы ли,
Они как с врагом там сражаются?
Да крепка-сильна Красна Армия,
Все идет вперед, продвигается!

РАДОСТНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ МОГУЧЕЙ АРМИИ

Встану я млада ранешенько,
До петушьего звонка покрику,
Пройду по светлюю светлице,
По бревенчатой новой горнице,
Дойду до лавочки брусчатою
До стекольчата окошечка.
Вскрою, вскрою околенку,
Да немножко-малехонько
Погляжу ли на белой свет,
Да светел ли, светел ли месяц,
Да ясны ли все звездочки.
Это наш родной батюшко,
Верховный Главнокомандующий.
Он весел и радостен есть,
Своей армией хвалится,
Силой красною возносится,

Сынами родимыми, дочерями любимыми.
У меня в стране богатырска семья,
В громких подвигах утешает меня.
Они в бой идут с радостью,
А из боя с весельцем, безо всякой
устали,

Все вперед продвигаются,
Очищают землю матушку
Из-под гнета тяжелого,
Из-под ига неметчины.
Главнокомандующий Сталин-свет
Речи радостны вымолвил,
Благодарность он выявил
Многочисленной армии.
За приказы великие, за быстро
выполненные.

Каждый час мы и минуточку
Из Москвы да из матушки,
Да из Кремлевской крепости
Слышим знаем все, ведаем.
Мы с могучею партией
Вождей Ленина, Сталина
И со всем со правительством.
Всего Союза Советского.
Торжествует страна наша,
Веселятся колхозники
Каждоденною радостью.

ПИСЬМО РОДНЫМ КОЛХОЗНИЦАМ

Поутру я встану да ранешенько,
Примоюся-то я да белешенько,
Приберуся я да чистешенько,
Наряжусь-сряжусь наряднехонько,
Пройду по светлой да светлице,
По столовой-то новой горнице.
Дойду-доступлю до брусчатой лавицы,
До кошевчета* светла окошечка,
До стекольчатой ли до околени,
Уж я скрою-открою окошечко,
Погляжу я на улицу, на белой свет!
Красно солнышко да выкатается,
Ветерочек теплый раздувается.
Играет-веет он по-весеннему,
И горит заря разгорается,
Весна крзсная приближается.
Сяду к столику я да подумаю,

Возьму в руки перо со бумагою,
Напишу я да скору грамотку,
Письмо милое, задушевное,
От желаньца да от великого,
Отошлю его скорым-скорешенько
Я по всей сторонуще великой,
По Советской славной республике,
По районам, селам, по деревенкам,
К родным сестрицам нашей Родины.
„Уж вы милые да подруженьки
Все вы верные да колхозницы,
Мы остались с вами большим-набольше,
Мы в колхозной семье управители,
Мы со деточками, нашей радостью,
Спроводили мы братьев и мужей своих,
Сыновей своих, желанных дочерей,
Их не к празднику, не на гуляньце,
Не во пир пировать, не во торг торговать,
От лютых врагов Союз защищать.
Мы в тылу на постах им помощники,
Мы надежна и крепка заменушка.
Встретим с радостью мы весну красную
По-ударному, по-стахановски,
Справим плуги, бороны мы ранешенько
Мы к посеву изладимся скорешенько,
Трактора, машины многосильные,
Нам заменят лошадей и нашу силушку,

Мы содвинемся все во бригадушки,
До зари будем вставать, до солнышка,
Гурьбой высыпем все на полосы,
На широкие нивушки колхозные.
Запестреют семеюшки дружные,
Закипит работа коллективная,
С утра до ночи не умолкаючи.
Рада будет тут земля матушка,
Как поднимется зелена травушка,
Вспашем пашенку мы великую,
Посеем рожь, пшеницу скороспелую
Ячмени, овсы да колосистые,
Такой долгой волокнистый лен,
Всяки овощи с корнеплодами,
„Не проси, говорят, весны ранние,
А желай летичка теплого“.
Красно солнышко обогреет все,
Медовые росы с неба нападут,
Как жемчужинки, они рассыпаются
На хлебных листиках слезой чистою.
Полюбujemy мы тогда нашей нивушкой!
Тут откроются дворы скотные,
И повыбежит число несметное,
Все колхозное стадо рогатое,
То хозяйство наше богатое!
На луга пойдут наши кормилицы,
Холмогорские да коровушки

На корма они на подножные.
После сева мы да горячего,
Поспешим на сплав да на выгонку,
По рекам, лесам мы отправим все,
По заводам все славна Архангельска.
На путину пойдем на рыболовную,
На богатые тони краснорыбицы,
Мы со всем везде дружно справимся.
Вот нальется рожь спелым колосом,
И созреют все плоды, ягоды,
Все сладкие да сахарные,
Огурцы, капуста грузовесная,
Поспешим собрать все скорешенько,
Впору, во-время без утрат-потерь,
Мы сповычистим волокнисты льны,
Чисты белые да серебристые,
Крепку коноплю для неводов, сетей,
Спрядем пряжу белотонкую,
Полотна наткем шелковистого,
Белее снега его выбелим.
Мы снесем-соберем хлеба вкусные,
Плоды, овощи, зрелы ягоды,
Мы полотна, шерсти теплые
От сердечушка, от всей души
Мы пошлем на фронт нашим воинам,
Как защитникам страны-отечества,
Войску храброму, богатырскому.

Поезда пойдут да быстроходные,
Повезут вагоны яства сахарные.
Повстречают наши подарки сыновья, мужья
Нам привет пошлют, большое спасибо,
Что крепим мы тыл, этим бьем врага
Все трудом своим да заботою.
Помним-знаем все мы призыв вождя,
Речи ласковы, слова пламенны
Обработать и засеять землю колхозную.
Перед всей страной, нашей Родиной,
Обещанье вождю выполним,
Мы заменим своей силой женскую
Наших храбрых богатырей советских,
Не оставим ни вершка земли незасеянной,
Сохраним всю скотинушку колхозную,
Соберем все плоды огородные,
Не отпустим бревна в море синее,
Мы поможем прогнать злого недруга.
Как узнает тут мудрый Сталин-вождь
Про труды наши про женские,
Про заботы про деревенские,
Ясно-то будет да красно солнышко,
Весел будет наш родной отец.
Тучи черные да прокатятся,
Гроза страшная да минуется,
Зацветет страна цветами алыми,
Богаче прежнего заживет колхоз!

ПРО КОЛХОЗ И ФРОНТ

Поутру я встану да ранешенько,
Ключевой водой умоюся белешенько,
Уж истоплю я жарко свою печеньку,
Я за стол сяду да на лавочку,
Уж под кошевчато светло окошечко,
Тут подумаю да крепку думушку
Про житье-бытье старопрежнее.
Уж мы век жили—небо коптили
И нигде-то далеко-то не бывали,
Ничего на свете белом не видали.
Где гриб вырос, тут и выкис.
Мне хочется написать да высказать,
От души и сердца все выразить,
Что дожили до время до счастливого,
До свободной жизни-то, до радостной.
Молода страна стала крепнути,
Но не долго все это удавалось:

Как морска волна на нас хлынула,
От злости-зависти на чужо добро
Глазищи Гитлера разгорелися,
Он хотел было в овчарне пировать,
А пришлось ему на псарне побывать.
Как свинье-то жирной неба не видать,
Гитлерюге во России не живать.
Глубоки он нам тут ямы подрывал,
Но провалится в те ямы сам.
Красна Армия могуча и сильна,
Со врагом расправится она.
Сорок третий год наш радостный настал,
И по всей стране народ все услышал.
Во колхозах пошла радостная жизнь,
Еще крепче за работушку взялись,
И в восторге вся Советская страна,
Красну Армию приветствует она,
С нами радостен и светел вождь и друг,
Сталин-свет, родной, любимый наш отец.

КАК ТЕЩА К ЗЯТЮ В ГОСТИ ХОДИЛА

(Бытовой рассказ)

Бывало, в нашей деревне жило семейство — муж с женой да с дочкой. Одинака дочка-то была, жалобна, да наглядеться-то отец да мати-то на нее не могли. А сами были такие скуные, все богатство-то экономили. Старик-то смиренный был, безответный такой, а старуха-то какая была зла, ругатлива, да старику-то житья-то не было. А с дочерью-то с малых годов хлопотала, придано-то начала готовить, а все чужими руками: каждой женке-то работы-то надавает, так короба да ящики наклала. А старика-то все обманывала, все сама-де по ночам делаю. Он иной раз ее и пожалеет: „Что это ты, старуха, хлопчешь? Ведь навек не наготовить приданое“.

Она закричит: „Твое ли оно дело-то, голодной-то кости собака не рада, а не то женихи“.

Вот подростила дочку-то, на игрище-то снаряжает и наговаривает: „Ходи, девка, да ума-то не проходи, чтобы слава-то про тебя не прошла, всякие есть люди-то, наговорят, что и останешься навек в девках“. Да на своей-то деревне все ребята-то не нравились что-то — бедны, говорит. Отправить надо к дядюшке да к дединьке на чужу деревню. „Поезжай да выбирай женихов-то, который побогаче-то, да приманивай попуще, а слухи-то уж будут носиться, что хваленка приехала, так женок-то ведь много соберется. Знамо дело — сарафанна почта. Про ребят да про девок все будут переводить, а ты чумись да и не расслушивай ничего. У девушек уши золотом завешены. Не всяк бы девку знал, а всяк бы спрашивал“. Вот спроводила дочь-то, а сама думает: „Вот теперь женихов-то — так любого выбирай“. И не живется ей уж дома-то, побежит к соседям-то, чего говорят-то, какие женихи-то сряжаются. А придет-то така хитра. „Я,—говорит,—по делу к вам пришла, а не в гости, нет ли у вас денег наличных займы: рублишко, друго, два, три, полдесятка, семерину“.

А прежде ведь женихи-то выбирали невест-то. Надо, чтобы была из богатства, да смирёна, да

ядрёна, чтобы работы-то никакой не боялась. Корову, говорят, по рогам выбирали, лошадь— по зубам, а девку— по родне да по матери. Говорят, каков корень, таков и отростень. А про мать-то все слухи-то носились— парато неловка-то. Да вот один парень и насмелился в соседней деревне, созвал свата да тысяцкого и поехали. Приезжают ко двору-то, а она уж изда- лека увидела, старика-то дернула за рукав: „Бежи скорей, встречай, уж это к нам женихи едут, хоть бы мимо-то не проехали. Первой же- них— первое счастье“. Старик пойдет, а сама самовар скорей греть. Вот зашли, поговорили обо всем, о приданом и об дарах и стали богу молиться и платы отдавать, а ведь у невест-то раньше и не спрашивали: пойдешь ли, не пой- дешь, а отдают, так и живи.

Вот и пошла к дочери. „Доченька, я тебя просватала, жених-то мне поглянулся парато“. Дочь-то заплакала. Еще мало пожила да покра- совалась в девках-то. „Не плачь, доченька, я и сама-то тоже выходила ведь“. — „Да ведь ты-то выходила за нашего тятку, а меня-то отдаешь за чужого мужика“. — „Да ведь оживешься, так свой же будет“.

Вот срядила дочь, привела к жениху, поугощались и поехали. Вот ехали, ехали доро-

гой-то, да жених-то как загорячился на извозчика-то, схватил ременку да закричал: „Раз, два, да не копайся“. Невеста-то так напугалась, вся дрожит сидит. Вот и в церковь-то привезли, поп-от стал венчать-то, тоже наговариват: „Всяка жена да убоится мужа своего,“ так уж она ни жива ни мертва стоит тут.

Вот приехали к жениху, родня встретила, молодница дары всем подарила, молодые пошли в другую избу. Вот тут он стал ее наедине-то учить да загадки загадывать, ума-разума пытатъ: „Почем, говорит, овес?“ — „Макар Иванович вез“. — „А почем, говорит, жито?“ — „С Макаром Ивановичем жить-то.“ — „А почем рожь?“ — „Макар Иванович хорош“. Все это ему поглянулось. „Ну вот, теперь, — говорит, — за что возьмешься — за плетку али за калачи?“ — „За плетку, учи меня, Макар Иванович, как лучше-то жить-то, все буду тебя слушать“. Ну вот, молодые стали жить да поживать.

А отец-то да мати-то и стоскнулись об одинакой-то дочери. „Пойду я, старик, схожу погощу у зятя-то“. — „Сходи, старуха, подольше ногости“. А прежде-то к зятю-то итти, так гостинцев надо было наладить, с пустыми-то руками зять-то не больно примет. Так всю ночь хлопоталась — некла пироги да блины, да го-

рячи варила, чашку масла налила. Вот пошла — полно лукошко понесла. Пришла — зять дома, дочи дома. Поздоровалась, села на лавку. „Уж так, говорит, устала, тяжело несла“. А зять-то хитрый был, свернул папироску да и вышел курить, а сам слушает, чего мати-то будет говорить дочери-то. „Каково, — говорит, — доченька, поживаешь-то?“ — „Ой, мамушка, жить бы хорошо, все есть, да муж-то больно строгий, да взгляду-то эвоного боюсь, все бегом бегаю“. — „Ой, девка, неужели же ты так живешь, мучаешься, я забыла тебе поговорить-то о свадьбе-то, ты бы елась да ругалась, так вышину бы сняла. Он бы тебе сказал слово, а ты ему — пять да десять на ответ-то“.

Быват, еще чего поговорила бы, да зять не вытерпел, прибежал в избу. — „Ну, жена, одевайся, говорит, да и ты, теща, с нами сряжайся“. Она думает: „Не поугощали, а куда уж сряжаться велит?“ Да уж делать нечего, вот и пошла с ними.

А прежняя жизнь не парато была завидна, и лошадок-то не было у некоторых мужичков, да женку-то запрягали и орать ездили. Вот он повел их в поле да и запряг в соху: тещу-то в корень запряг, а женку-то в пристяжную да вицу-то взял долгу, большу и начал постёги-

вать, по жёнке-то раз да два, а по теще-то — пять да десять. Вот и выорал полосу-то. „Ты пойди, жена, домой, а ты, теща, останься за борондой“. Уж как ей было моркотно оставаться от дочери-то. Запряглась в борону-то, потащилась, а сама-то оглядывается назад-то — не бежит ли он с вицей-то. Вот дотащилась до другого-то конца да и думает: „Уж от этого зятя угошенья не будет хорошего, убежу лучше домой“. Отступилась с бороны-то, бежит, бежит да думает дорогой-то: „Чего же мне старику-то сказать? Надо его обмануть“.

Пришла домой-то весела така.— „Ты что, старуха, скоро, я тебя еще не ждал!“ — „А все об работе сумлеваюсь“. — „Ну, так сказывай, каков зять, каково дочи живет, да чем тебя угощали-то?“ — „Да они велели тебе самому притти, шибко просили. Я все тебе излажу, только пойди завтра, знай“.

Вот срядила старика и отправила, а сама думает: „Сходи-ко к этому зятю, так узнаешь“.

Вот старик пришел. Зять и дочь оба дома. Зять-то тоже вышел на передызбье и слушает, чего еще отец-то будет спрашивать у дочери.— „Каково, доченька, поживаешь?“ — „Жить-то, татушка, хорошо бы, всего довольно, да муж-то больно строгий, так взгляду-то эвоного боюсь“.—

„Бойся, бойся, доченька, бояться и надо, он тебя на добро научит, так богато житье скопите“.

Зять-то прибежал в избу-то радехонок. „Жена, грей скорее самовар, а я побегу в лавку“. Так угощенья всякого накупил, принес и пива-то, и вина-то да так старика-то напоил, что тот и домой-то не мог уйти.

А старуха-то дома все его ругала, а тут зажалела: „Бедный старик, напрасно спроводила, наверно целый день на нем он орет“. Вот и ночь стала, а ей никак не спится. Вот и утро стало. Зять опохмелил старика да много бутылок пива на шею ему повесил и спроводил домой. Вот старуха и увидела в окошки-то, что идет да шатается старик-от, забежала по избе-то, руками-то захлопала. — „Я хоть без хомута убежала, а он весь день да всю ночь орал да с хомутом и домой-то убежал“.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Творчество кинешской сказительницы</i>	
<i>А. И. Гладкобородовой</i> , Проф. С. Бугославский	3
Приезд папанинцев	19
Про выборы прежние и советские	22
Величальные песни поет наш народ	26
Бой в нашей деревне	30
Как Бадигия-то по кораблю похаживает	34
О мудром поморе северянине Ломоносове	42
У нас крепкая семья Сталинская	49
На призыв вождя все откликнулись	53
Стал размахист удар по немецким псам	55
Ехал по полю всадник	56
О Ленине	57
Слово Сталина нерушимое	61
Сказаньице	65
Истрепал Гитлер смазные сапоги	68
О партизанке Тане	70
Девичья	73
Все над славною Невой-рекой	75
Кто с мечом к нам пришел, тот в огне сгорит	77
Богатырь-то народ великий наш	79
Крепость непрострельная	82
Под славным Ленинградом было городом	84
Письмо в северные колхозы	86

Бейте врага, мои соколы	90
Наступление	93
Как не часты мелки дождички	95
О племяннице	98
О Ленинграде песня	101
О Северном колхозе	103
Радостная благодарность могучей Армии	106
Письмо родным колхозницам	108
Про колхоз и фронт	113
Как теща к зятю в гости ходила (Бытовой рас- сказ)	115

Редакторы проф. *С. Бугославский*
и *А. Я. Колотилова.*
Художник *Г. Маковская*
Технический редактор *Н. Ткаченко*

*

Сдано в набор 11|IV-45 г. Подписано к
печати 22|II-47 г. сл-00610 Форм. бум. 60x92]₃₂
3⁷/₈ печ. л., 1¹/₁₆ бум. л. 3,91 уч. изд. л.
Тираж 2000. Заказ № 50 Цена 3 р. 90 к.

*

Типография им. Склепина Архангельск,
Набережная им. Сталина, 86

Цена 3 р. 90 к.

Переплет 1 р.